

Владимир Соловьев

РОССИЯ И ВСЕЛЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

КНИГА ПЕРВАЯ

Положение религии в России и на христианском Востоке

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Русское сказание о святом Николае и святом Кассиане и его приложение к двум церквам, состоящим в разделении

Святой Николай и святой Кассиан, рассказывает нам русская народная легенда, посланные из рая навестить землю, увидели однажды на дороге бедного крестьянина, телега которого, нагруженная сеном, глубоко завязла в грязи и который делал бесплодные усилия, чтобы заставить свою лошадь сдвинуть воз с места.

- Пойдем, подсобим доброму человеку, - сказал святой Николай.

- Сохрани меня Бог, - ответил святой Кассиан: - я боюсь запачкать свою хламиду.

- Ну, тогда подожди меня или лучше иди себе без меня своей дорогой, - сказал святой Николай, - и бесстрашно забравшись в грязь, он бодро помог мужику вытащить телегу из колеи.

Когда, покончив с этой работой, святой Николай. Догнал своего товарища, он был весь в грязи, а запачканная и разорванная хламида его напоминала рубище бедняка. Велико было изумление святого Петра, когда он увидел его в этом виде у врат рая.

- Э! Кто тебя так отделал? - спросил он его.

Святой Николай рассказал, как было дело.

- А ты, - спросил святой Петр святого Кассиана, - разве не был с ним при этой встрече?

- Как же, но я не имею привычки вмешиваться в то, что меня не касается и прежде всего я подумал о том, чтобы не загрязнить девственную белизну моей хламиды.

- Ну так вот, - сказал святой Петр, - тебя, святой Николай, за то, что ты не побоялся испачкаться, выручая ближнего из беды, отныне будут праздновать два раза в году, и ты будешь в глазах всех крестьян святой Руси самым большим святым после меня. А ты, святой Кассиан, довольствуйся непорочной белизной твоей хламиды, а праздновать тебя будут лишь в високосные года - раз в четыре года.

Конечно, можно простить святому Кассиану его отвращение к ручному труду и грязи больших дорог. Но он был бы решительно не прав, если бы вздумал осудить своего товарища за то, что тот иначе представляет себе обязанности святых по отношению к человечеству. Нам дорого чистое и пышное одеяние святого Кассиана, но, раз наша телега все еще стоит увязшей в грязи, нам более всего нужен святой Николай, этот бесстрашный святой, всегда готовый на подвиг, чтобы подать нам руку помощи.

Западная Церковь, верная своему апостольскому призванию, не побоялась погрузиться в грязь исторической жизни. В течение долгих веков она была единственным началом нравственного порядка и умственной культуры среди варварских народов Европы и принуждена была поэтому принять на себя и Весь труд материального управления наряду с духовным воспитанием этих, независимых по своему духу и суровых по своим инстинктам, народов. Посвятив себя этой тяжелой работе, Папство, как святой Николай сказания, думало меньше о своей видимой чистоте, чем о действительных нуждах человечества. Восточная Церковь, с своей стороны, в своем пустынно-аскетическом и своем созерцательном мистицизме, в своем удалении от политики и всех общественных задач, затрагивавших человечество в его целом, желала прежде всего, как святой Кассиан, достигнутьрая без единого пятна на своей хламиде. Там хотели приложить все божеские и человеческие силы к вселенской цели, здесь вся забота была лишь в том, чтобы сохранить свою чистоту. Вот коренное различие и наиболее глубокая причина разделения между обеими Церквями

Дело в различном идеале самой религиозной жизни Религиозный идеал христианского Востока в его отдельности не ложен, но он не полон.

Для восточного христианства религия вот уже тысячу лет как отождествилась с личным благочестием¹ и молитва признана за единственное религиозное дело. Западная Церковь, не отрицая важности индивидуального благочестия, как истинного зачатка всякой религии, хочет, чтобы этот зачаток развился и принес плоды в общественной деятельности, направленной во славу Божию на всеобщее блага человечества. Восточный человек молится, западный молится и работает. Кто из двух прав?

Иисус Христос основал свою видимую Церковь не Для того только, чтобы она созерцала небо, но и для того, чтобы она работала и вступила в бой с вратами адскими Он послал своих апостолов не в пустыню и уединение, но в мир, чтобы завоевать его и покорить его царству, которое не от мира сего, и Он заповедал им не только голубиную чистоту, но и змеиную мудрость. Если бы все дело было лишь в том, чтобы сохранить чистоту христианской души, к чему была бы тогда вся эта общественная организация Церкви, к чему все эти верховные и безусловные права, которыми Христос снабдил ее, дав ей безапелляционную власть вязать и решить на земле и на небесах.

Монахи Святой горы Афона - эти истинные представители восточной Церкви в ее особенности - вот уже долгие века тратят все свои силы на молитву и созерцание несотворенного света Фаворского². Они правы, ибо молитва и созерцание несотворенных вещей необходимы для христианской жизни. Но можно ли допустить, чтобы это душевное занятие составляло все в христианской жизни? А это по необходимости придется сделать, если хочешь поставить православный Восток, с его своеобразным характером и его специальным религиозным направлением, на место Вселенской Церкви. У нас есть на Востоке молящаяся Церковь, но где у нас Церковь действующая, которая бы выступала в качестве духовной силы, безусловно

независимой от земных властей? Где на Востоке Церковь живого Бога, Церковь, в каждую эпоху дающая законы человечеству, определяющая и развивающая формулы вечной истины, дабы противопоставить их непрестанно меняющему свой облик заблуждению? Где Церковь, работающая над преобразованием социальной жизни наций согласно христианскому идеалу и ведущая их к конечной цели творения - свободному и совершенному единению с Творцом?

Сторонники исключительного аскетизма должны были бы помнить, что Совершенный Человек провел в пустыне только сорок дней; созерцатели Фаворского света не должны были бы забывать, что этот свет явился лишь однажды в земной жизни Христа, который показал на своем примере, что истинная молитва и истинное созерцание суть только опоры деятельной жизни. Если эта великая Церковь, которая только и делала, что молилась в течение веков, не тщетно молилась, то она должна проявить себя, как живая Церковь, действующая, борющаяся и торжествующая. Но необходимо, чтобы мы сами твердо захотели этого. Нам нужно прежде всего сознать недостаточность нашего традиционного религиозного идеала и приложить искренние усилия к осуществлению более полной концепции христианства. Для этого нет надобности что либо выдумывать или что-либо создавать. Достаточно вернуть нашей религии ее кафолический или вселенский характер, признав себя солидарными с деятельной частью христианского мира, этим централизованным и организованным для вселенского дела Западом, обладающим всем, чего нам не достает. От нас не требуют, чтобы мы изменили нашу восточную природу или отреклись от своеобразного характера нашего религиозного духа. Необходимо только признать без оговорок следующую весьма простую истину: а именно, что мы, Восток, представляем лишь часть Вселенской Церкви и часть, не имеющую своего центра в себе самой, и что нам надо, следовательно, связать наши частные и периферические силы с великим вселенским центром, который Провидение поместило на Западе. Дело идет не о том, чтобы подавить нашу религиозную и моральную индивидуальность, но о том, чтобы восполнить ее и ввести ее в круг вселенской и поступательной жизни. Весь наш долг лишь в том, чтобы осознать себя тем, что мы есть на самом деле, а именно - органической частью великого христианского тела, и признать нашу духовную солидарность с братьями на Западе. Этот моральный акт, акт справедливости и любви, был бы уже сам по себе огромным шагом вперед для нас и необходимым условием всякого дальнейшего прогресса.

Святому Кассиану нет надобности становиться другим человеком и не радеть о чистоте своего незапятнанного одеяния. Ему надо только признать, что собрат его обладает некоторыми важными качествами, отсутствующими в нем самом, и вместо того, чтобы дуться на этого неутомимого работника, ему следует искренне признать его за товарища и руководителя на том земном пути, который им обоим еще остается пройти.

Примечания:

1 В старом русском языке обычно употреблялся термин благочестие для обозначения православия и термин благочестивая вера вместо православной веры

2 Путем некоторых физиологических и психологических приемов, получивших у нас в своем целом имя Шумного делания, афонские отшельники достигают экстатического состояния, в котором они испытывают особые ощущения и, по словам их, видят божественный свет, явившийся при Преображении Господа нашего. Любопытнее всего, что этот феномен рассматривается как непреходящая и вечная реальность. Ожесточенные споры возникли в греческой Церкви в XIV веке, имевшие своим предметом выяснение действительной природы Фаворского света и его отношения к сущности Божества.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вопрос о смысле существования России

Но здесь меня перебивает хорошо знакомый мне голос моих соотечественников. "Мы и слушать не хотим о наших нуждах, наших недостатках и в особенности о наших обязанностях по отношению к этому гнилому Западу! Vixit. Он нам не нужен и мы ничем ему не обязаны. У нас дома все, что нам нужно. In (sic) Oriente lux¹. Действительной представительницей и носительницей христианства является святая Русь. И какое нам дело до старого, дряхлого Рима, когда мы сами Рим будущего, третий и последний Рим?² Восточная Церковь выполнила свою великую историческую задачу, обратив в христианскую веру русский народ, этот отождествивший себя с христианством народ, которому принадлежит все будущее человечества". - Итак, конечная цель христианства в истории и весь смысл бытия человеческого рода сводятся к существованию одной единственной нации. Но, чтобы согласиться с подобным утверждением, необходимо сначала решительно отречься от самой идеи Вселенской Церкви. Нам предлагают возвращение к древнему юдаизму с той разницею, что исключительная роль еврейского народа в предначертаниях Провидения засвидетельствована словом Божиим, тогда как исключительная важность России подтверждается лишь словами некоторых русских прогрессистов, вдохновение коих трудно признать непогрешимым.

Впрочем, принимая во внимание, что идеи наших восторженных патриотов по вопросу об основах религиозной веры не отличаются особенной ясностью и определенностью, необходимо перейти на более общую почву и рассмотреть их притязания с точки зрения простой, естественной и человеческой.

Вот уже сорок или пятьдесят лет, как русский патриотизм упорно повторяет, варьируя ее на все лады, неизменную фразу: Россия велика, и на нее возложена величественная миссия в этом мире. В чем собственно состоит эта миссия и что Россия должна совершить, - что мы сами должны сделать, - чтобы выполнить сказанную миссию, - это представляется доселе крайне смутным. Ни старые славянофилы, ни их современные последователи, ни сам Катков ничего не сказали точного по этому поводу³. Они толковали о свете, идущем с Востока, но решительно не заметно, чтобы этот свет озарил их разум и чтобы они видели ясно. Да будет же нам позволено, отдавая справедливость патриотическим чувствам этих почтенных людей, поставить прямо вопрос, который они стараются обойти, великий вопрос национальной совести: в чем заключается смысл существования России в этом мире?

В течение веков история нашей страны тяготела к одной единственной цели: образованию великой национальной монархии. Присоединение Украины и части Белоруссии к Московской Руси при царе Алексее было решающим моментом в этом историческом деле, ибо это присоединение закончило борьбу за первенство между Северной и Южной Россией, Москвой и Киевом, и дало реальное значение титулу "Царя всея Руси". С тех пор не могло уже быть сомнения в успехе трудной задачи, предпринятой первосвященниками и князьями московскими еще в XIV веке. И нельзя не усмотреть провиденциальной логики в том, что именно сыну царя Алексея, значительно опередившему своих предшественников, дано было смело поставить вопрос будущего: что делать объединенной и ставшей могучим государством России? Временный ответ, данный великим императором на этот вопрос, был тот, что Россия должна пойти в ученье к

цивилизированным народам Запада, чтобы усвоить их науку и культуру. Это, действительно, было все, что нам пока было нужно. Но это столь простое и столь ясное решение делалось все более и более недостаточным по мере того, как юное русское общество переходило из класса в класс в европейской школе: предстояло ответить на вопрос, что ему делать, когда пройдут года учения. Реформа Петра Великого вводила Россию в европейский арсенал, где она могла научиться обращению со всеми орудиями цивилизации, но относилась безучастно к началам и идеям высшего порядка, определявшим приложение этих орудий. Так эта реформа, давая нам средства для самоутверждения, не открывала нам конечной цели нашего национального существования. Если вправе были спрашивать: Что делать варварской России? И Петр хорошо ответил, сказав: Она должна быть преобразована и цивилизована, - то с не меньшим правом можно спросить: Что же должна делать преобразованная Петром Великим и его преемниками Россия, какую цель ставит себе современная Россия?

Заслуга славянофилов в том, что они поняли всю важность этой проблемы, хотя и ничего не могли сделать для ее разрешения. Более прозаические патриоты, из реакции против этой смутной и бесплодной поэзии панславизма, утверждали в наши дни, что нет никакой необходимости в том, чтобы народ был носителем какой-либо определенной идеи и преследовал какую-либо высшую цель в человечестве, но что ему вполне достаточно быть независимым, иметь учреждения, приспособленные к его национальному характеру, и достаточно могущества и авторитета, чтобы с успехом защищать свои материальные интересы в делах этого мира. Желать всего этого для своей страны, работать над тем, чтобы сделать ее богатой и могущественной, - вот и довольно для доброго патриота. Это то же, что сказать, что народы живы одним насущным хлебом, - что и не верно, и не желательно. Исторические народы жили не только для самих себя, но также и для всего человечества, покупая бессмертными делами право утверждать свою национальность. В этом отличительный характер великой расы; и патриотизм, который не понимает всей ценности этого характера, патриотизм низкой пробы.

Никто не станет спрашивать, в чем историческая миссия Ашантиев или Эскимосов. Но когда христианская нация, столь широко раскинувшаяся и столь многочисленная, как наша, насчитывающая уже тысячу лет существования и обладающая внешними средствами, необходимыми для того, чтобы играть роль во всемирной истории, требует себе достоинства великой нации и претендует на гегемонию над народами той же расы и на решительное влияние в общей политике, - позволительно спросить, какие у нее действительные права на такую историческую роль, какое начало или какую идею приносит она миру, что она сделала и что ей еще предстоит сделать для блага всего человечества.

Но, скажут мне, ответить на эти вопросы - значило бы предвосхищать будущее. Да, если бы дело шло о младенческом народе, о Киевской Руси святого Владимира или о Московской Руси Ивана Калиты. Но современная Русь, которая уже двести лет не перестает заявлять о себе на арене всемирной истории и которая в начале этого века вступила в единоборство чуть не со всей Европой, - эта Россия не должна была бы оставаться в полном неведении о том, куда она идет и что она намерена делать. Что выполнение нашей исторической миссии есть дело будущего, - с этим мы готовы согласиться; но нужно, чтоб мы имели хоть некоторое представление об этом будущем и чтобы в современной России нашелся хоть живой зародыш ее грядущих судеб.

Немного сделаешь, когда не знаешь, что надо делать. Наши предки в XV веке имели очень определенную идею о том будущем, на пользу которого они работали: то была всероссийская

империя. И мы, для которых эта верховная цель их усилий стала совершившимся фактом, можем ли мы быть менее осведомлены, чем они, относительно нашего собственного будущего; можем ли мы предполагать, что оно совершится помимо нас, помимо нашей мысли и нашего участия?

Примечания:

1 Заглавие стихотворения, посвященного одним известным поэтом покойному Каткову.

2 Так некоторые греческие и русские монахи называли московское государство после падения византийской империи.

3 Панславистские политики хотели бы, чтобы Россия разрушила австрийскую империю и основала славянскую конфедерацию. А затем?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Истинное православие русского народа и лжеправославие богословов антикафоликов

Высокорелигиозный характер русского народа и наша склонность к мистике, проявляющаяся в философии, литературе¹ и искусстве, служат, по-видимому, указанием на великое религиозное предназначение России. На религию же как-никак ссылаются и наши патриоты, когда их понуждают указать, в чем же собственно состоит конечное призвание нашей страны, или "русская идея", как принято говорить теперь. Православие или религия греко-российской Церкви, в противоположность западным исповеданиям, составляет, по их мнению, истинную сущность нашего национального духа. Тут на первых же порах мы встречаемся с очевиднейшим логическим кругом. Когда мы спрашиваем, какой смысл имеет историческое существование отделившейся Восточной Церкви, нам говорят: "Она создала и духовно воспитала русский народ". А когда мы желаем узнать, какой смысл имеет существование этого народа, нам отвечают: "Этот смысл в принадлежности к отделившейся Восточной Церкви". В этот тупик нас заводит трудность определить как следует, что мы понимаем под православием, которое мы хотели бы монополизировать в нашу пользу. Эта трудность не существует для людей из народа, которые действительно православны по чистой совести и в простоте сердца. Спрошенные умело об их религии, они вам скажут, что быть православным это значит быть крещеным христианином, носить на груди крест или какую-нибудь святую икону, поклоняться Христу, молиться Пречистой Деве² и всем святым, представленным иконами и мощами, гулять в праздники и соблюдать посты по искони установленному порядку, чтить священный сан епископов и иереев, приобщаться святых тайн и посещать богослужение. Вот истинное православие русского народа, равно как и наше. Но не таково православие наших воинствующих патриотов. Ясно, что истинное православие не имеет в себе ничего партикуляристического и не может никоим образом составлять национального или местного атрибута, неизбежно отделяющего нас от западных народов. Ибо большая часть этих народов (католическая их часть) имеет совершенно тождественную с нами религиозную основу. Все, что свято и священно для нас, является таковым же и для них. Достаточно будет указать на одну существенную точку соприкосновения: культ Святой Девы - одна из характернейших черт католицизма - не только распространен в православной России³ вообще, но есть даже отдельные чудотворные иконы, сообща чтимые и римскими католиками и русскими православными (например Богородица Ченстоховская в Польше). Если благочестие есть действительно отличительная черта нашего национального сознания, тот факт, что главнейшие эмблемы этого благочестия у нас общие с Западом, заставляет нас признать нашу солидарность с ним в том, что мы считаем самым существенным. Что касается глубокого контраста между

созерцательным благочестием Востока и деятельной религией Запада, то этот субъективный и чисто человеческий контраст вовсе не касается божественных предметов нашей веры и нашего культа и не только не может служить справедливым мотивом для разделения, но должен был бы скорее побуждать обе великие части христианского мира к более тесному единению в целях взаимного восполнения.

Но, под влиянием злого начала, непрестанно Действующего на земле, этой разницей злоупотребили, чтобы создать из нее разделение. И в ту минуту, когда Россия приняла крещение от Константинополя, греки, хотя еще и пребывая во внешнем общении с Римом после временного раскола Фотия⁴ были уже в значительной степени проникнуты национальным партикуляризмом, питаемым иерархическим соперничеством, политикой императоров и спорами школ. Последствием этого было то, что русский народ в лице Святого Владимира купил евангельскую жемчужину, всю покрытую византийской пылью. Большинство нации, не интересовавшееся распрями и честолюбием клириков, ничего не понимало в богословских фикциях, бывших плодами этих распрей;

большинство это приняло и сохранило сущность православного христианства во всей его чистоте и простоте, то есть веру и религиозную жизнь, обусловленную божественной благодатью и проявляющуюся в делах любви и милосердия. Но клир (на первых порах набранный из греков) и церковная школа восприняли роковое наследие Фотиев и Керуллариев, как неотъемлемую часть истинной религии. Это лжеправославие нашей богословской школы, не имеющее ничего общего ни с верою Вселенской Церкви, ни с благочестием русского народа, не содержит в себе никакого положительного начала: оно все состоит из произвольных отрицаний, вызванных и питаемых предвзятой полемикой.

"Бог Сын не участвует в порядке божественном в исхождении Святого Духа".

"Святая Дева не была непорочной с первого мгновения своего существования"⁵.

"Первенство юрисдикции не принадлежит римскому престолу, и папа не обладает догматическим авторитетом пастыря и учителя Вселенской Церкви".

Таковы главнейшие отрицания, которые нам предстоит рассмотреть в другом месте. Здесь нам достаточно засвидетельствовать, во-первых, что эти отрицания не получили никакой религиозной санкции и не опираются ни на какой религиозный авторитет, признанный за обязательный и непогрешимый всеми православными. Никакой вселенский собор не осудил и даже не обсуждал католических учений, ана-фематствованных нашими полемистами. И когда нам выдают этот новый род отрицательного богословия за истинное учение Вселенской Церкви, мы не можем усмотреть в нем ничего другого, кроме чудовищного притязания, имеющего своим источником невежество или недобросовестность. Во-вторых, очевидно, что это ложное православие, равно как и истинное, впрочем, не может служить положительной основой для "русской идеи". Попробуем, в самом деле, подставить положительные величины на место этого алгебраического x "православия", неустанно с деланным энтузиазмом провозглашаемого псевдопатриотической прессой. Идеальная сущность России по-вашему - православие, которое вы специально противопоставляете католицизму, сводится в ваших глазах к различиям обоих исповеданий. Действительно религиозные основы, общие у нас с Западом, по-видимому, представляются для вас не особенно интересными; вам особенно дороги различия. Ну что ж! Поставьте эти

определенные различия на место туманного термина "православие" и объявите открыто, что религиозная идея России заключается в отрицании "filioque", Непорочного Зачатия и авторитета папы. Этот последний пункт для вас важнее всего. Остальные - вы сами это знаете - только предлоги, но Верховный Первосвященитель - вот враг. Таким образом, все ваше "православие" и вся ваша "русская идея" в сущности только национальный протест против вселенской власти папы. Но, во имя чего? Вот здесь-то начинается действительная трудность вашего положения. Эта протестантская ненависть к церковной монархии, чтобы говорить уму и сердцу, должна была бы быть оправдана каким-нибудь великим положительным принципом. Теократической форме управления, которой вы не одобряете, вам следовало бы противопоставить другую, лучшую, форму. И этого-то именно вы и не можете сделать. Какой род церковного устройства можете вы предложить на благо западным народам? Быть может, вы станете превозносить соборное управление, заговорите о вселенских соборах Medice, cura te ipsum! Почему Восток не противопоставил истинного вселенского собора тридентскому или ватиканскому соборам? Откуда это беспомощное молчание истины перед лицом торжественно утверждающего себя заблуждения? Действительно, в то время, как великие церковные собрания продолжают занимать выдающееся место в учении и жизни католичества, христианский Восток вот уже тысячу лет как лишен этого важного проявления Вселенской Церкви, и наши лучшие богословы (как, например, Филарет Московский) сами признают, что вселенский собор невозможен в Восточной Церкви, пока она находится в разделении с Западной. Но нашим, так называемым, православным ничего не стоит противопоставить невозможный собор действительным соборам католической Церкви и защищать свое дело оружием, ими утраченным, и под знаменем, которое у них вырвано из рук.

Папство есть положительное начало, реальное учреждение, и если восточные христиане полагают, что это - начало ложное, что это - учреждение плохое, их дело осуществить желательную организацию Церкви. Вместо того нас отсылают к археологическим воспоминаниям, вполне сознавая в то же время свое бессилие дать им какое-либо практическое значение. И не без основания наши антикафолики ищут опоры для своих тезисов где-то вдали. Действительно, они едва ли решатся, рискуя стать посмешищем для всего мира, объявить Санкт-Петербургский Синод или Константинопольский патриархат истинным представителем Вселенской Церкви. И бесполезно на последках заводит речь о вселенских соборах и ссылаться на них, когда приходится признаться, что они уже невозможны более. Это будет только пустой болтовней, окончательно обнаруживающей слабую сторону этого антикафолического православия. Если нормальная организация Вселенской Церкви и истинная форма ее управления зависят от вселенских соборов, то очевидно, что православный Восток, роковым образом лишенный этого необходимого органа церковной жизни, не имеет более ни истинного церковного строя, ни правильного церковного управления. В первые три века христианства Церковь, скрепленная кровью мучеников, не созывала вселенских соборов, потому что не нуждалась в них; современная Восточная Церковь, парализованная и расчлененная, не может созвать их, хотя и чувствует потребность в этом. Это ставит перед нами следующую альтернативу: или признать, вместе с передовыми сектантами, что Церковь с некоторых пор утратила свой божественный характер и в действительности более уже не существует на земле, или, во избежание столь опасного вывода, согласиться с тем, что Вселенская Церковь, не имея органов управления и представительства на Востоке, обладает таковыми в западной своей части. Это было бы равносильно признанию исторической истины, не отрицаемой в наши дни даже самими протестантами, а именно: что современное папство не есть самочинный захват, но законное развитие тех начал, которые открыто действовали до разделения Церкви, и против которых эта Церковь никогда не протестовала. Но если признать папство

законным учреждением, то что делать тогда с "русской идеей" и с привилегией национального православия? Итак, раз наше религиозное будущее не может опереться на официальную Церковь, нельзя ли найти для него более глубоких основ в самом русском народе?

Примечания:

1 Лучшие наши современные писатели, под влиянием религиозных стремлений, говоривших в них сильнее эстетического призвания, принуждены были покинуть слишком тесную область художественной литературы, чтобы с большим или меньшим успехом выступить в качестве моралистов и реформаторов, апостолов или пророков. Преждевременная смерть Пушкина не дает нам возможности судить о том, было ли религиозное настроение, заметное в наиболее совершенных его произведениях, достаточно глубоким, чтобы стать со временем его главной мыслью и заставить его покинуть область чистой поэзии, как то случилось с Гоголем ("Переписка с друзьями"), с Достоевским ("Дневник писателя") и с Львом Толстым ("Исповедь", "В чем моя вера" и т. д.). По-видимому, русский гений не находит в поэтическом творчестве своей окончательной задачи и удобной среды для воплощения своих по существу религиозных идеалов. Если Россия призвана возвестить новое слово миру, то это слово раздается не из блистательных областей искусства и литературы, не с гордых высот философии и науки, а именно с величественных, но смиренных вершин религии. Мои русские и польские читатели могут найти обстоятельное подтверждение этого положения во втором издании моего сочинения "Национальный вопрос в России", первая глава которого переведена на польский язык Бенони и выпущена в виде брошюры под заглавием "Россия и Европа".

2 "Пречистая" и "всепорочная" - эпитеты, постоянно прибавляемые к имени святой Девы в наших богослужебных книгах и переведенные с греческого <... и других подобных слов.

3 Я не исключаю из этого наименования "староверов" в собственном смысле этого слова, спор которых с государственной Церковью не затрагивает действительного предмета религии.

4 Окончательный разрыв, состоявшийся лишь позднее, в 1054 году, был впрочем лишь голым фактом, лишенным какой-либо законной и обязательной санкции, ибо анафема легатов папы Льва IX была направлена не против Восточной Церкви, но единственно против лица патриарха Михаила Керуллария и против "сторонников его безумия" (безумия, по правде сказать довольно явного); а Восточная Церковь с своей стороны никогда не была в состоянии собрать вселенского собора, этого, по мнению самих наших богословов, единственного трибунала, компетентного рассудить наш спор с папством (о снятии анафем см. прим. изд. стр. 51).

5 Так эти ослепленные ненавистью богословы осмеливаются отвергать явное верование Восточной Церкви, как греческой, так и русской, непрестанно провозглашающей непорочность Святой Девы, ее непорочность по преимуществу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Русские староверы. Относительная правда раскола. Преосвященный Филарет Московский и его идея Вселенской Церкви

Если хочешь низвести православие на степень русской национальной идеи, то логически придешь к тому, чтобы искать истинное выражение этой идеи в среде туземных сектантов, а не в пределах официальной Церкви, греческой по происхождению и организованной на немецкий лад Петром Великим. Лишенное всяких определенных принципов и всякой практической независимости, это "министерство духовных дел православного вероисповедания" воспроизводит только императорский византийский клерикализм, смягченный добродушием и беззаботностью нашей расы и немецким бюрократизмом нашей администрации. Если отвлечься от частных причин, вызвавших раскол¹ и имеющих лишь историческое значение, то можно, без боязни впасть в ошибку, утверждать, что устойчивость этого национального раскола зависит от явного несовершенства русского церковного управления, а также его чрезмерных притязаний. Подчиненная без всяких ограничений светской власти и лишенная всякой внутренней силы, эта Церковь "установленная" царем, злоупотребляет тем не менее иерархическим принципом, присваивая себе безусловную власть над народом, принадлежащую по праву лишь независимой

и Вселенской Церкви, основанной Христом. Бессилие и тщета этих притязаний, скорее почувствованная, чем осознанная, побудила одну часть наших староверов к бесплодным попыткам основать русскую православную Церковь, независимую от Государства, в то время как другая часть, более многочисленная, просто объявила, что истинная Церковь окончательно исчезла в этом мире с 1666 года и что мы живем под духовным владычеством антихриста, пребывающего в Санкт-Петербурге. Теперь понятна причина того, почему сторонники "русской идеи" избегают разбираться в расколе и извлекать оттуда эту загадочную идею. Учение, которое провозглашает, что монархия и Церковь русские находятся в полной власти у антихриста и откладывает на конец мира всякую надежду на лучший порядок вещей, - это учение очевидно мало благоприятно чрезмерному патриотизму, представляющему Россию в ее настоящем виде вторым Израилем, избранным народом будущего. Тем не менее, нельзя не отметить, что именно те, кто хотели бы навязать России определенную миссию (славянофилы), принуждены игнорировать или не признавать единственное историческое явление, где религиозный дух русского народа проявился с некоторой оригинальностью. С другой стороны, отдельные кружки наших либералов и радикалов - западников² охотно берут под свое покровительство наш национальный протестантизм, несмотря на его варварские формы, и видят в нем залог лучшего будущего для русского народа. Что касается нас, то, не имея никакого повода ни унижать, ни возвеличивать это характерное явление нашей религиозной истории, мы можем отнестись к нему более объективно. Мы не закрываем глаз на глубочайшее невежество, ультрадемократические стремления и дух мятежа, сыгравшие немалую роль при возникновении раскола. Мы не будем искать поэтому в нем никакой высшей истины, никакого положительного религиозного идеала. И все же мы не можем не признать, что в этом грубом, пожалуй, даже нелепом движении народных страстей всегда теплилась искра священного огня. В нем сказывалась пламенная жажда религиозной истины, настоятельная потребность в Церкви истинной и живой. Наш национальный протестантизм направляет свои удары против частичного и несовершенного церковного управления, а не против начала видимой Церкви. Даже для наиболее крайних из наших староверов реальная и организованная Церковь представляется чем-то столь необходимым, что, лишенные таковой, они чувствуют себя уже под властью антихриста. Оставляя в стороне невежество, побуждающее их принимать Россию за весь мир, мы найдем в глубине всех этих странных заблуждений идею или постулат Церкви, независимой от Государства и теснейшим образом связанной со всей общественной и частной жизнью народа, Церкви свободной, могучей и живой. А если, видя официальную Церковь - русскую и греческую - лишенной независимости и безжизненной, наши староверы заявляют, что она не истинная Церковь Христа, они, конечно, кругом не правы.

Отрицательная истина раскола остается незыблемой. Ни кровавые преследования прошлых веков, ни современный бюрократический гнет, ни официальная полемика нашего духовенства не в силах пошатнуть нижеследующий неопровержимый тезис: В греко-российской Церкви нет истинно духовного управления. Но истина нашего национального протестантизма далее этого не идет. Как только староверы от простого отрицания переходят к притязаниям на знание того или другого выхода из их религиозных затруднений и на реализацию своего церковного идеала, они впадают в противоречия и явные нелепости, играя тем в руку своим противникам. Этим последним, в полемике с поповцами³ легко доказать, что религиозное общество, веками лишенное епископата и восстановившее у себя отчасти это основное учреждение лишь при помощи антиканонических приемов, не может считаться подлинным продолжением древней Церкви и единственным хранителем православия. Не менее легко установить против беспоповцев⁴, что царство антихриста не может длиться беспредельно и что, если они желают

быть последовательными, эти раскольники должны отвергнуть не только современную Церковь, но и Церковь древних времен, которая, по их мнению, была разрушена в год 1666 от Рождества Бога Слова; ибо Церковь, которую одолели врата ада, не могла быть истинной Церковью Христа.

Как исторический факт, раскол с его тысячами мучеников указывает - и в этом его существенная важность - на глубину религиозного чувства у русского народа, на живое сочувствие, внушаемое ему теократической идеей Церкви. Если, с одной стороны, нельзя не порадоваться тому, что большая часть народа осталась верной официальной Церкви, сохранившей, несмотря на отсутствие в ней законного церковного управления⁵ апостольское преемство и действенность таинств, то, с другой стороны, было бы весьма плачевным, если бы весь русский народ удовлетворился этой официальной Церковью в том виде, как она есть: это несомненно свидетельствовало бы, что на его религиозное будущее возлагать надежд не приходится. Горячий и упорный протест этих миллионов крестьян подает нам надежду на возрождение нашей церковной жизни. Но отрицательный по существу характер этого религиозного движения есть достаточное доказательство того, что русский народ, так же как и всякая другая человеческая сила, предоставленная самой себе, не способен осуществить свой высший идеал. Все эти попытки и стремления к истинной Церкви указывают лишь на пассивную религиозную способность, которая, чтобы действительно вылиться в определенную органическую форму, ждет акта нравственного возрождения, исходящего из более высоких сфер, чем чисто национальная и народная среда.

Если официальная Церковь, управляемая гражданским чиновником, есть только государственное учреждение, второстепенная отрасль бюрократической администрации, то Церковь, о которой мечтают наши раскольники, была бы самое большее лишь национальной и демократической Церковью. Идея Вселенской Церкви отсутствует и там и тут. Член символа веры, говорящий о единой, святой, кафолической и апостольской Церкви, хотя и поется за каждой обедней и читается при каждом крещении, но остается мертвой буквой, как для "древлеправославных", так и для "господствующей Церкви". Для первых Церковь - это русский народ во всей его совокупности до времен патриарха Никона, а после него в той части, которая осталась верной старому национальному обряду. Что касается богословов официальной Церкви, то их мысли по этому предмету столь же туманны, сколь и противоречивы. Но что можно усмотреть во всех их вариациях и что у них есть общего, несмотря на все их различия, так это отсутствие положительной веры во Вселенскую Церковь. Мы остановимся только на одном из этих писателей, который стоит многих; вот теория Церкви, изложенная искушенным в богословских тонкостях Филаретом, митрополитом Московским, в одном из его важнейших сочинений⁶.

Истинная христианская Церковь объемлет все частные Церкви, исповедующие Иисуса Христа, "во плоти пришедшего". Учение всех этих религиозных обществ есть в сущности одна и та же божественная истина; но к ней могут быть примешаны человеческие мнения и заблуждения. Отсюда мы видим в наставлениях этих отдельных Церквей различие большей или меньшей чистоты. Учение восточной Церкви отличается от остальных большей чистотой и его даже можно признать вполне чистым, так как оно не сопрягает с божественной истиной никаких человеческих мнений. Но так как, впрочем, каждое религиозное исповедание притязует на такую же совершенную чистоту веры и учения, то нам не приличествует судить других, но следует предоставить окончательный суд Духу Божию, правящему Церквами.

Таково мнение преосвященного Филарета, и лучшая часть русского духовенства мыслит, как он. Но то, что в этом взгляде есть широкого и примиряющего, не может закрыть от нас его основных погрешностей. Начало единства и универсальности в Церкви связано здесь лишь с общей основой христианской веры (с догматом Воплощения). Но эта, воистину основная вера в Иисуса Христа, Богочеловека, не рассматривается как живой и плодоносный зачаток дальнейшего развития: московский богослов видит в ней окончательное единство христианского мира и только такое и считает необходимым. Он довольствуется тем, что отвлекается от действительных различий в христианской религии и объявляет себя удовлетворенным чисто теоретическим единством, достигаемым таким путем. Это - единство широкого, но пустого безразличия, не предполагающее никакой органической связи и не требующее никакого действительного общения между отдельными Церквями. Вселенская Церковь сведена к умопостигаемой сущности. Отдельные части реальны, но целое есть только субъективная абстрактность. Если это не всегда было так, если Церковь в своем целом была некогда живым телом, то ныне это тело умирает и разлагается: лишь отдельные его части проявляют актуально бытие свое, между тем как субстанциональное их единство отошло в область мира невидимого.

И эта идея мертвой Церкви не есть лишь логический вывод, сделанный нами из положений нашего знаменитого богослова: он сам позаботился описать нам Вселенскую Церковь, какой она представлялась ему, в образе безжизненного тела, составленного из разнородных и разрозненных элементов. Ему, действительно, пришла блестящая мысль приложить к Церкви Христа и к фазам ее исторической жизни видение великого кумира из книги Даниила. Золотая голова кумира - это первобытная христианская Церковь; его серебряные руки и перси - это "утверждающаяся и распространяющаяся Церковь" (эпоха мучеников); медное чрево, это "Церковь преизбыточествующая" (торжество христианства, время великих учителей). Наконец, современная Церковь, - "Церковь разделенная и раздробленная", - представлена двумя ногами и пальцами на них, в которых глина смешана с железом руками человеческими. Чтобы принять всерьез этот мрачный символ, необходимо отвергнуть Церковь Бога, основанную им на веки веков, Церковь единую, непогрешимую и незыблемую. Наш автор это скоро почувствовал и в последующих изданиях своего труда выкинул всю эту аллегорию, но не нашел чем заменить ее. Впрочем, если ограничить приложение этого образа официальной греко-русской Церковью, придется сознаться, что выдающийся представитель этого учреждения не лишен был ни остроумия, ни беспристрастия. Железо и глина, смешанные руками человеческими, - насилие и слабость и искусственное единство, ждущее лишь толчка, чтобы распасться в прах, - трудно лучше описать современное состояние нашего церковного строя.

Примечания:

- 1 Родовой термин раскол употребляется у нас для специального обозначения тех, кто отделился от официальной Церкви по вопросам обряда и кого зовут также староверами. Отделение совершилось в 1666 и 1667 годах, когда собор, созванный в Москве, предал анафеме старые обряды.
- 2 Западниками зовут литературную партию, противоположную славянофилам и придерживающуюся начал европейской цивилизации.
- 3 Умеренная партия, незаконными путями добившаяся священства, а с 1848 года и епископата (ее центр в Австрии в Белой Кринице).
- 4 Радикальная партия, полагающая, что священство и все таинства, кроме крещения, окончательно прекратились с 1666 года.
- 5 Назначение всех наших епископов совершается способом, безусловно запрещенным и осужденным третьим каноном седьмого Вселенского Собора, - канон, который, с точки зрения самой нашей Церкви, не мог быть отменен (ввиду отсутствия позднейших вселенских соборов). Мы еще будем иметь случай вернуться к этому предмету.
- 6 "Разговоры между испытующим и уверенным о православии Восточной Греко-Русской Церкви". С. Пб. 1815.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Русские славянофилы и их взгляды на Церковь. Критические замечания

Преосвященный Филарет невольно обнажил истинное положение отделившейся Восточной Церкви. Славянофилы попытались прикрыть эту наготу прозрачным покровом идеалистической теории Церкви "в ее свободном и живом единстве обоснованной на божественной благодати и христианской любви". Как общая идея Церкви, рассматриваемой как моральный организм, доктрина славянофилов совершенно верна, и заслуга их велика, что они настояли в принципе на существенном и неделимом единстве этого организма, которым в такой мере пренебрегали наши официальные богословы и наши староверы. Впрочем те, которым кажется, что славянофилы в своем изложении положительной идеи Вселенской Церкви слишком туманны и не выходят из общих мест, могут найти ту же идею Церкви, с несравненно большей широтой и ясностью развитую, у некоторых католических писателей, в особенности у знаменитого Мёлера в его превосходном труде: "Die Symbolik der Christlichen Kirche"¹.

"Церковь едина", такое заглавие дал Хомяков (глава славянофильского кружка в России) небольшому богословскому сочинению, которое, хотя и незначительно само по себе, но заслуживает быть отмеченным, как единственная попытка со стороны славянофилов определить и привести в систему свои богословские взгляды. Единство Церкви определяется единством божественной Благодати, которая, чтобы проникнуть людей и превратить их в Церковь Бога, требует от них верности общему преданию, братской любви и свободного согласия индивидуальных сознаний, служащего несомненным ручательством истинности их веры. На этой последней точке в особенности настаивают славянофилы, определяя истинную Церковь, как добровольный и внутренний синтез единства и свободы в любви.

Что можно возразить против подобного идеала?! Кто из римских католиков, если бы ему показали все человечество или значительную его часть, проникнутую божественной любовью и братским благоволением, имеющую одну душу и одно сердце и пребывающую, таким образом, в свободном и безусловно внутреннем единении, - какой, говорю я, римский католик захотел бы навязать такому обществу внешний и принудительный авторитет общественной церковной власти? Неужели где-нибудь найдутся паписты, которые полагали бы, что херувимы и серафимы нуждаются в папе для управления ими? И, с другой стороны, где тот протестант, который при виде полной истины, действительно достигнутой "совершенством любви", стал бы еще настаивать на праве свободного исследования?

Совершенно свободное и внутреннее единение людей с Божеством и между собою есть та конечная цель, та пристань, к которой мы направляем свой корабль. Наши западные братья не согласны между собой относительно выбора средств для достижения этой цели. Католики полагают, что безопаснее плыть по морю всем вместе на большом испытанном корабле, сооруженном знаменитым мастером, управляемом ловким кормчим и снабженном всем, что необходимо для путешествия. Протестанты утверждают, напротив того, что каждый должен сам сколотить себе ладью по своему усмотрению, чтобы иметь возможность плавать с большей свободой. Это последнее мнение, хотя и ошибочное, поддается обсуждению. Но что можно сказать о мнимых православных, считающих, что лучший способ достигнуть гавани, это

представить себе, что ты уж там. И, в силу этого, они ставят себя выше западных исповеданий, которые, по правде сказать, никогда и не подозревали, что великий религиозный вопрос может быть разрешен с такою легкостью.

Церковь едина и нераздельна, что не мешает ей вмещать в себе различные области, которые не следует разделять, но которые надо точно разграничивать, а то никогда не достигнешь понимания прошлого и настоящего и ничего не сделаешь для религиозного будущего человечества. Безусловное совершенство может быть уделом лишь верховной части Церкви, уже окончательно обретшей и усвоившей себе полноту божественной благодати (Церковь торжествующая, или царство славы). Между этой божественной сферой и чисто земными элементами видимого человечества стоит богочеловеческий организм Церкви, невидимый в своем мистическом могуществе и видимый в своих актуальных проявлениях, причастный равно, как небесному совершенству, так и условиям материального существования. Это и есть Церковь в собственном смысле этого слова, и о ней в дальнейшем мы и будем вести речь. Она не совершенна в безусловном смысле, но она должна обладать всеми необходимыми средствами, чтобы с уверенностью подвигаться вперед к верховному идеалу - совершенному единению всей твари в Боге - среди бесчисленных препятствий и трудностей, в борьбах, искушениях и падениях человеческих.

Церковь здесь на земле не обладает совершенным единством царства небесного, но она должна, тем не менее, иметь некоторое реальное единство, некоторую связь, органическую и в то же время духовную, определяющую ее как прочное учреждение, как живое тело и как нравственную индивидуальность. Не обнимая материально и актуально всего человеческого рода, она, тем не менее, вселенская, поскольку она не может быть привязана исключительно к одной нации или к группе каких-либо наций, но должна иметь международный центр для своего распространения по всей вселенной. Хотя земная Церковь и зиждется на божественном откровении, являясь хранительницей сокровища веры, но из этого еще не следует, чтобы она обладала безусловным и непосредственным знанием всех истин; однако она непогрешима, то есть не может ошибаться, определяя в каждый данный момент ту или другую религиозную и нравственную истину, ясно выраженное знание которой ей стало необходимым. Земная Церковь не безусловно свободна, раз она подчинена условиям конечного существования, но она должна быть достаточно независима, чтобы иметь возможность непрестанно и деятельно бороться против враждебных ей сил и не дать вратам адовым одолеть ее.

Такова истинная Церковь на земле, та Церковь, которая, при всем несовершенстве ее человеческих сторон, получила от Бога право, власть и все необходимые средства для воспитания человечества и направления его к конечной его цели. Если бы она не была единой и вселенской, она не могла бы служить основой положительного единства всех народов, а это - ее главное призвание. Если бы она не была непогрешимой, она не сумела бы быть вожата-ем человечества на истинном пути и была бы слепцом, ведущим слепца. И, наконец, если бы она не была независимой, она не могла бы выполнять ни одной из своих общественных функций и, став орудием властей века сего, изменила бы окончательно своему призванию.

Существенные и необходимые черты истинной Церкви, по-видимому, достаточно ясны и определены. И, тем не менее, наши новые православные, смешав в своих туманных размышлениях божественную и земную сторону Церкви, не задумались отождествить этот смутный идеал с современной Восточной Церковью, с Церковью греко-российскою в ее

настоящем виде... Они провозглашают ее единственной Церковью Бога, истинной Вселенской Церковью, а на остальные исповедания смотрят как на антихристианские сообщества. Таким образом, признавая в принципе идею Вселенской Церкви, славянофилы на деле отрицают ее и сводят вселенское христианство к одной частной Церкви, которая к тому же далеко не отвечает идеалу, ими самими исповедуемому. Истинная Церковь, по их мысли, это мы знаем, есть "органический синтез свободы и единства в любви", и нам предлагают искать этот синтез в греко-русской Церкви! Постараемся принять это не за шутку и посмотрим, как в действительности обстоит дело.

Примечания:

1 Это сочинение хвалит и часто на него ссылается в *Praelectiones theologicae* официальный догматик латинской Церкви покойный отец Перрон (профессор *Collegium romanum* и член общества Иисуса).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Свобода религиозная и свобода церковная

В области религий и Церкви под свободой можно понимать две вещи весьма различные: во-первых, независимость церковного целого (как духовенства, так и верующих вообще) от внешней власти Государства; и, во-вторых, независимость индивидов в деле религии, то есть право, дарованное каждому, открыто принадлежать к тому или другому вероисповеданию, свободно переходить из одного в другое или вовсе не принадлежать ни к какому вероисповеданию, а также безнаказанно исповедывать всякого рода верования и религиозные идеи, как положительные, так и отрицательные¹. Во избежание всяких недоразумений, мы будем называть первую - церковной свободой, а вторую - свободой религиозной². Всякая Церковь предполагает известную сумму общих верований, и тот, кто не разделяет таковых, не может пользоваться в общине теми же правами, как и верующие. Право воздействия всеми духовными средствами против неверных членов и даже окончательного исключения их из общины есть один из существенных атрибутов свободы церковной. Что касается до религиозной свободы, то она только косвенно входит в область собственно Церкви: только светская власть Государства может непосредственно признать или ограничить право подданных открыто исповедовать все, во что каждый верит по вопросам религии. Церковь может лишь нравственно влиять на Государство, склоняя его к большей или меньшей терпимости. Никакая Церковь никогда не смотрела равнодушным оком на распространение чуждых ей верований, грозивших оторвать от нее верных. Дело лишь в том, каким оружием должна пользоваться Церковь для борьбы с своими врагами: должна ли она ограничиваться духовными средствами убеждения или имеет право прибегнуть к Государству, чтобы воспользоваться его материальным оружием - принуждением и гонением? Эти два способа бороться с врагами Церкви не исключают друг друга безусловно. Можно различать (если имеешь необходимые к тому способности) интеллектуальное заблуждение от злой воли и, действуя на первое убеждением, защищаться от второго лишением его средств наносить вред³. Но есть одно совершенно необходимое условие для того, чтобы духовная борьба была возможна: это, чтобы сама Церковь владела церковной свободой, чтобы она не была подчинена Государству. Тот, у кого связаны руки, не может защищаться собственными средствами, ему поневоле приходится полагаться на чужую помощь. Государственная Церковь, окончательно поработанная светской властью и существующая только по доброй ее милости, тем самым отрекается от своего духовного могущества и может быть защищена с некоторым успехом лишь материальным оружием⁴.

В прошлые века римско-католическая Церковь (уделом которой всегда была церковная свобода и которая никогда не была Церковью государственной), не прекращая борьбы со своими врагами духовным оружием наставления и проповеди, разрешала католическим Государствам защищать мирским мечом дело религиозного единства. В настоящее время нет уже более католических Государств: Государство на Западе атеистично, и римская Церковь продолжает существовать и процветать, опираясь исключительно на меч духовный, на нравственный авторитет и свободную проповедь своих начал. Но иерархия, отдавшаяся в руки светской власти и доказавшая тем свое внутреннее бессилие, как может она проявить моральный авторитет, от которого она отказалась. Наше современное церковное управление отдалось исключительно интересам Государства, получая взамен обеспечение своего существования, находящегося под угрозой старообрядчества. При такой чисто материальной цели и средства не могут носить другого характера. Меры принуждения и насилия, изложенные в русском Уложении о наказаниях, _ вот в сущности единственное оборонительное оружие, которое наше казенное православие умеет противопоставить как местным староверам, так и представителям чуждых исповеданий, желающим оспаривать у него власть над душами. Если некоторые церковные деятели и пытались в последнее время вести борьбу с сектантами при помощи полупубличных беседований⁵, то слишком очевидная недобросовестность этих прений, где одна сторона осуждена во что бы то ни стало оставаться неправой и смеет говорить только то, что ей позволяют ее противники, только еще яснее выставила все нравственное бессилие этой господствующей Церкви, слишком искательной перед земными властями и слишком беспощадной к душам. И ее-то нам хотят выдать за свободное единение душ в духе любви.

Славянофилы в своей антикатолической полемике постарались смешать церковную свободу со свободой религиозной. А так как католическая Церковь не всегда была терпима и не допускает в принципе безразличия в вопросах веры, то и весьма нетрудно было разглагольствовать о римском деспотизме, обходя молчанием великое преимущество церковной свободы, которое один только католицизм всегда сохранял среди всех христианских исповеданий. Но когда дело идет о нас самих, то совершенно бесполезно смешивать эти две свободы, ибо совершенно очевидно, что мы не имеем ни той, ни другой. И никто не изложил этой грустной истины с большей силой и жаром, чем покойный И. Аксаков, последний выдающийся представитель старой славянофильской школы. Нам достаточно будет привести несколько замечательных мест из его сочинений⁶.

Примечания:

1 Нам незачем говорить о третьем виде свободы, а именно свободе различных культов, признанных Государством. Некоторая свобода культов (в их *statu quo*) является вынужденной самой силой вещей в империи, которая, как Россия, насчитывает более тридцати миллионов подданных, стоящих вне господствующей Церкви.

2 Обычно употребляемые в этом последнем смысле термины - свобода совести и свобода исповедания - должны быть отброшены, как неточные: совесть всегда свободна и никто не может помешать мученику исповедовать свою веру.

3 Мы допускаем это различие в принципе (*in abstracto*), Далеко не рекомендуя его, однако, как практическое правило.

4 Наши церковные писатели сами сознаются в этом с большой наивностью. Так, например, в целом ряде статей, помещенных в "Православном Обозрении" и касающихся борьбы русского духовенства со староверами, автор их (Чистяков), изложив подвиги епископа Питирима (в Нижнем Новгороде), духовное рвение которого неизменно искало поддержки в войсках вице-губернатора Ржевского, приходит к заключению, что знаменитый миссионер обязан был всем своим успехом этому содействию светской власти и возможности силою заставлять староверов выслушивать его проповеди ("Православное Обозрение", октябрь 1887, стр. 348). Можно найти подобные же признания по поводу действий современных миссионеров среди язычников Восточной Сибири (в том же Православном Обозрении, год 1882).

5 Я говорю о беседах со староверами в Казани, Калуге и в особенности в Москве. Несмотря на стеснительные условия этих споров и уклонение от них главарей раскола, представители официальной Церкви не всегда одерживают в них верх. Одна газета "Голос Москвы", осмелившаяся напечатать (в 1885 году) стенографические отчеты этих прений, принуждена была раскаяться в своей смелости. Эта газета теперь уже более не существует.

6 Русская администрация долго преследовала Аксакова за откровенность его критики. Только в последние годы его жизни он разделял с Катковым привилегию открыто высказывать свои мысли, - исключительная привилегия этих двух людей и прекратившаяся со смертью их обоих

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

И. С. Аксаков об официальной русской Церкви

"Генерал-адъютантский аксельбант "для ношения на рясе", пожалованный в самых последних годах прошлого столетия архиепископу псковскому и члену Святейшего Синода Ириною, довольно знаменательно - смеем думать - прообразует взаимное отношение Церкви и Государства в России... Такое светское и в некотором роде даже военное отличие. осенившее рясу архиепископа, не должно казаться нам странным: напротив, оно совершенно в порядке вещей и свидетельствует только об успешном логическом развитии того начала, которое положено Петром Великим в основу отношений Государства и Церкви..."¹ Известно, что русская Церковь управляется административным советом, именуемым духовной коллегией или Святейшим Синодом, члены коего назначаются императором и подчинены гражданскому или военному чиновнику (обер-прокурору Святейшего Синода), которому принадлежит инициатива в церковном управлении. Епархии номинально управляются епископами, назначаемыми главой Государства по представлению Синода, то есть обер-прокурора, который перемещает их затем по своему усмотрению.

"В "Табели о рангах" указано место и для церковной иерархии, к духовному достоинству применено общее государственное мерило, и различие даров Св. Духа принято было за основание для государственной расценки. Высшая епископская благодать признана соответствующею генеральскому достоинству и образовала так называемый духовный генералитет: митрополиты приравнены к полным генералам, архиепископы к генерал-лейтенантам, епископы к генерал-майорам. Низшая степень благодати, принадлежащая иереям, оценена, разумеется, ниже - от полковничьего до майорского чина. Отсюда прямой путь и к учреждению "духовных кавалеров" или к награждению кавалерскими орденами..."² Павел I был лишь последователем, пожаловав военные ленты высшим сановникам Церкви.

"Все это пустяки, случайность, мелочь, внешность", - будет непременно сказано нам в ответ... Внешность! Но проследим хоть слегка развитие этой внешности во внешней жизни церковной, и тогда нам станет ясно, осталось ли это развитие без отражения и на внутренней ее стороне... Служители Церкви причислены, хотя бы только в понятии, к сонму служителей Государства, или чиновников государственных... Отсюда понятно, с одной стороны, дарование, а с другой, со стороны церковно-иерархической, и запрос - государственных наград, орденов, отличий³. Санкт-Петербургский Синод, в своих указах и ведениях, в первые годы своего существования... сам уподоблял себя Сенату и источником своей власти признавал государственную власть. Вся первая пора его деятельности занята беспрестанным разъяснением, что, "его, Синод, поведено всем, всякого чина духовным и мирским персоном за важное и сильное правительство иметь", и что не следует уменьшать "данную ему от царского величества честь"... Само собой разумеется, что та стихия, в которой думал почерпать Синод свою силу, взяла перевес над прочими его элементами.

Считая себя патриархом и даже собором и, в то же время, главным государственным учреждением, устроенным по общему образцу, - Синод должен был испытать и общую судьбу государственных учреждений⁴. Данная от царского величества честь никем не может быть убавлена, кроме Его Величества. И вот "обер-прокурор Яковлев испросил повеление, чтобы никакая бумага, поступающая в Святейший Синод, не проходила мимо обер-прокурора"⁵.

"Таким образом, Церковь, со стороны своего управления, представляется теперь у нас какую то колоссальную канцелярией, прилагающей - с неизбежною, увы, канцелярскою официальною ложью - порядки немецкого канцеляризма к пасению стада Христова..."⁶. Но, с организацией самого управления, - т. е. с организацией пастырства душ, на начале государственного формализма, по образу и подобию Государства, с причислением служителей Церкви к сонму слуг государственных, - не превращается ли и сама Церковь в одно из отправлений государственной власти, не становится ли она одною из функций государственного организма - говоря отвлеченным языком, или, говоря проще, - не поступает ли она и сама на службу к Государству?.. Через распространение на церковь "прав и преимуществ казны" (см. Свод Законов) не проникает ли во внутреннюю жизнь Церкви и та стихия казенности, которая, даже в области Государства, признается малопродуктивною? По-видимому, Церкви дано лишь правильное благоустройство - введен, наконец, необходимый порядок... По-видимому так; но случилась только одна безделица: убыла душа; подменен идеал, т. е. на месте идеала Церкви очутился идеал государственный, и правда внутренняя замещена правдою формальною, внешнею; подсунуто другое мерило, взамен прежнего, духовного и нравственного; все пошло взвешиваться и измеряться на вес и аршин правительственный, клейменный... Дело в том, что вместе с государственным элементом и государственное мирозерцание, как тонкий воздух, почти нечувствительно прокралось в ум и душу едва ли не всей, за немногими исключениями, нашей церковной среды и стеснило разумение до такой степени, что живой смысл настоящего призвания Церкви становится уже ей теперь малодоступен"⁷.

Справедливость всего сказанного подтверждается массой трактатов и проектов церковной реформы, присланных Аксакову "интеллигентной и прогрессивной" группой нашего духовенства, которые все без исключения носили тот же характер антирелигиозного секуляризма⁸.

Одни предлагают поощрять хороших сельских проповедников орденами и иными отличиями. Другие настаивают на необходимости гарантий или ограждения белого духовенства от произвола архиерейского, "на точном юридическом основании"... Третьи связывают наше религиозное будущее с увеличением церковных доходов и желали бы организации на этот предмет при церквях церковных монополий разных отраслей промышленности. Есть и такие, которые предлагают ввести определенную таксу за совершение таинств. Некоторые решаются даже утверждать, что наша религиозная жизнь не достаточно регламентирована правительством и требуют нового свода законов церковных. И, однако, в действующем своде законов Империи мы находим более тысячи статей, определяющих покровительство Государства Церкви и отношение полиции к вере и верующим.

"На страже русского православия стоит государственная власть, с обнаженным, подъятым мечом, - "хранительница догматов господствующей веры и блюстительница всякого в святой Церкви благочиния", - готовая покарать малейшее отступление от того церковного, ею оберегаемого "правоверия", которое установлено не только изволением Святого Духа, Вселенскими и

поместными соборами, святыми отцами и всею жизнью Церкви, - но, для большей крепости и с значительными добавлениями, также и Сводом Законов Российской Империи"⁹.

Обер-прокурор Синода, как ответственный начальник Церкви, ежегодно представляет Императору отчет о состоянии этого учреждения. Если мы сравним "Отчет по ведомству православного вероисповедания" с отчетом, например, хоть по ведомству путей сообщения, то по внешней своей форме они не представляют большого различия; те же разделы и подразделения, с тою лишь разницею, что вместо рубрик "Шоссе", "Железные дороги", "Судоходные реки", в "Отчете" г. обер-прокурора стоят рубрики: "Утверждение и распространение веры"; "Миссионерства"; "Пастырская деятельность"; "Проявления религиозного чувства по движению верноподданнической преданности" и пр.¹⁰.

Отчет за 1866 год, разбираемый Аксаковым, кончается следующими характерными словами: "Безгранично обязанная Державному вниманию, Русская Церковь вступила в новый год своего существования с обновленными силами и с большими задатками на дальнейшее преуспевание в будущем"¹¹.

Церковь отказалась от своей церковной свободы; а Государство взамен этого гарантировало ей существование и положение Церкви господствующей, упразднив религиозную свободу в России. "Там, где нет живого внутреннего единства и целостности, - говорит Аксаков, - там внешность единства и целостности Церкви может держаться только насилием и обманом"¹².

Слова московского патриота жестоки, но справедливы. Хрупкое и сомнительное единство нашей Церкви держится только... Начиная с вымышленных деяний фиктивного собора против несуществовавшего еретика¹³ и кончая недавними подделками в переводах деяний Вселенских соборов (изданных Казанской Духовной Академией), вся наступательная и оборонительная деятельность нашей Церкви сводится к ряду.. совершенных с полной безопасностью, благодаря бдительному покровительству духовной цензуры, предупреждающей всякую попытку их разоблачения. Что же касается насилия в делах веры, то оно возведено в принцип и во всех подробностях развито в нашем Уголовном Уложении. Всякое лицо, рожденное в господствующей Церкви или обращенное в православие, если оно перейдет в другую веру, даже христианскую, подлежит уголовному преследованию и суду наравне с фальшивомонетчиками и грабителями на больших дорогах. Тот, кто, не прибегая к принуждениям и насилию, одним убеждением склонит кого-либо к отпадению от господствующей Церкви, подвергается лишению гражданских прав и ссылке в Сибирь или заключению в тюрьму.

И эта строгость не остается у нас мертвой буквой:

Аксаков мог убедиться в этом по случаю жестокого преследования одной протестантской секты на юге России.

"Отучать острогом от алкания духовной пищи, не предлагая взамен ничего, отвечать острогом на искреннюю потребность веры, на запросы недремлющей религиозной мысли; острогом доказывать правоту православия - это значит посягать на самое существенное основание святой веры - основание искренности и свободы, подкапываться под самое вероучение православной Церкви и давать в руки своему противнику, протестантизму, победоносное оружие. При таких средствах защиты, при таких способах утверждения в истине православия, сама собою оскудевает

и упраздняется, становясь излишнею, ревность пастырей, меркнет и гаснет в духовных деятелях священный огонь, и никакие строгие предписания епархиального начальства, под угрозами штрафа, о заведении школ, не создадут действительной школы народной, - и даже, - но не слишком ли уже далеко простираем мы нашу мнительность?. и даже сам указ Святейшего Синода о предоставлении священникам права на получение ордена Св. Анны 3-ей степени и звание кавалера за "труды по народному образованию", едва ли в силах будет сотворить из них новых апостолов.."14

И все же оказывается, что уголовные законы решительно необходимы для ограждения "господствующей" Церкви.

Самые искренние защитники этой Церкви (например, историк Погодин, которого цитирует наш автор) признают, что, как только религиозная свобода будет признана в России, половина крестьян отойдет в раскол, а половина людей общества (женщины в особенности) перейдет в католичество. "Что свидетельствуется этим признанием"? - спрашивает Аксаков "То, что целая половина членов православной Церкви только по наружности принадлежит к ней и удерживается в ней только страхом государственного наказания.. Так это положение нашей Церкви?! Таково, стало быть, ее современное состояние? Недостойное состояние, не только прискорбное, но и страшное! Какой переизбыток кощунства в ограде святыни, лицемерия вместо правды, страха вместо любви, растления при внешнем порядке, бессовестности при насильственном ограждении совести, - какое отрицание в самой Церкви всех жизненных основ Церкви, всех причин ее бытия, - ложь и безверие там, где все живет, есть и движется истиною и верою... Однако ж не в том главная опасность, что закралось зло в среду верующих, а в том, что оно получило в ней право гражданства, что такое положение Церкви истекает из положения, созданного ей государственным законом, и такая аномалия есть прямое порождение нормы, излюбленной для нее и государством, и самим нашим обществом"15.

"Вообще у нас в России в деле Церкви, как и во всем, ревнивей всего охраняется благовидность, decorum, и этим большею частью и удовлетворяется наша любовь к Церкви, наша ленивая любовь, наша ленивая вера! Мы охотно жмурим глаза и, в своей детской боязни "скандала", стараемся завесить для своих собственных взоров и для взора мира - многое, многое зло, которое, под покровом внешнего "благолепия", "благоприличия", "благообразия", как рак, как ржавчина, точит и подъедает самый основной нерв нашего духовно-общественного организма16. Нигде так не боятся правды, как в области нашего церковного управления, нигде младшие так не трусят старших, как в духовной иерархии, нигде так не в ходу "ложь во спасение", как там, где ложь должна бы быть в омерзении. Нигде, под предлогом змеиной мудрости, не допускается столько сделок и компромиссов, унижающих достоинство Церкви, ослабляющих уважение к ее авторитету. Все это происходит, главным образом, от недостатка веры в силу истины17. В том то и страшная беда наша, что все, обнаруживаемое теперь в печати и еще несравненно худшее, - все это мы знали и знаем и со всем этим ужались и уживаемся, примирились и примиряемся. Но на таком постыдном мире и постыдных сделках не удержится мир Церкви, и они равняются, в деле истины, если не предательству, то поражению18.

"Если судить по словам ее защитников, наша Церковь "уже не "малое, но верное стадо", а стадо великое, но неверное, которого "пастырем добрым" - полиция, насильно, дубьем загоняющая овец в стадо!.. Соответствует ли такой образ Церкви образу Церкви Христовой? Если же не соответствует, то она уже не есть Христова, - а если не Христова, то что же она? Уж не

государственное ли только учреждение, полезное для видов государственных и для дисциплины нравов. Но Церковь, этого не надо забывать, есть такая область, где никакое искажение нравственной основы допущено быть не может, и тем более в принципе, где никакое отступление от жизненного начала не остается и не может остаться безнаказанным, - где, если солгано, то солгано уже "не человекам, а Духу". Если Церковь не верна завету Христову, то она есть самое бесплодное, самое аномальное явление на земле, заранее осужденное словом Христовым¹⁹. Если Церковь становится государственным учреждением, т. е. государством, "царством от мира сего", она перестает быть "Церковью" и сама обрекает себя на судьбу мирских царств...²⁰ Она отрекается сим от самой себя, от собственной причины бытия, осуждает себя на мертвенность и бесплодие"²¹.

"В России не свободна только русская совесть... Оттого и коснеет религиозная мысль, оттого и водворяется мерзость запустения на месте святе, и мертвенность духа заступает жизнь духа, и меч духовный - слово - ржавеет, упраздненный мечом государственным, и у ограды церковной стоят не грозные ангелы Божий, охраняющие ее входы и выходы, а жандармы и квартальные надзиратели, как орудия государственной власти, - эти стражи нашего русского душеспасения, охранители догматов русской православной Церкви, блюстители и руководители русской совести"²².

Мы не забыли, что славянофилы видят в нашей Церкви единственную истинную Церковь Христа и живой синтез свободы и единства в духе любви. И вот заключение, к которому приходит последний представитель этой партии после беспристрастного рассмотрения наших церковных дел: "Дух истины, дух любви, дух жизни, дух свободы... в его спасительном веянии нуждается русская Церковь"²³.

Таким образом, по нелюбимому свидетельству православного и выдающегося русского патриота, наша национальная Церковь покинута Духом Истины и Любви и посему не есть истинная Церковь Бога. Чтобы уклониться от этого неизбежного вывода, у нас установился обычай вспоминать *ad hoc* о других восточных Церквях (о которых иначе и думать забыли). "Мы принадлежим, - говорят в таких случаях, - не к русской Церкви, а к православной и Вселенской Церкви Востока. Понятно, что сторонники отделенной Восточной Церкви весьма желали бы приписать ей действительное и положительное единство. Посмотрим, однако, принадлежит ли ей такое в действительности.

Примечания:

1 Полное собрание сочинений И. С Аксакова, т. IV, стр. 119.

2 Аксаков, там же, стр. 20.

3 Там же, стр. 121.

4 Там же, стр. 122.

5 Там же, стр. 12 2.

6 Там же, стр. 124.

7 Там же, стр. 12 5,126.

8 Там же, стр. 126.

9 Там же, стр. 84.

10 Там же, стр. 75.

11 Там же, стр. 77.

12 Там же, стр. 100.

13 Я говорю о деяниях мнимого собора в Киеве в 115 7 году, в которых еретику, Мартыну Армянину (впрочем никогда не существовавшему), приписаны все мнения "староверов" XVII-го века. Эта выдумка была столь груба и

неправдоподобна, что наша церковная школа одну минуту сама устыдилась ее. Но в последнее время усиление официального обскурантизма снова выдвинуло вперед эту выдумку епископа Питирима. (Смотри цитированную выше статью "Православного Обозрения", октябрь 1887, стр 306,307,314).

14 Там же, стр. 72.

15 Там же, стр. 91

16 Там же, стр. 42.

17 Там же, стр. 35.

18 Там же, стр. 43.

19 Там же, стр. 91,92.

20 Там же, стр. III.

21 Там же, стр. 93.

22 Там же, стр. 85,84.

23 Там же, стр. 127.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Отношения русской Церкви к Церкви греческой, к Болгарии и к Сербии

Тело Восточной Церкви не однородно. Среди различных наций, входящих в ее состав, две главные дали имя этой Церкви, официально именуемой Церковью греко-российской. Этот национальный дуализм (который - к слову сказать - удивительно напоминает те две глиняных ноги, о которых говорит Преосвященный Филарет), позволяет придать конкретную форму вопросу о нашем церковном единстве. Нам важно знать, какова та реальная и живая связь, которая соединяет русскую Церковь с Церковью греческой, творя из обеих один целостный моральный организм. Нам говорят, что русские и греки исповедуют одну и ту же веру и что в этом вся суть. Но нужно знать, что понимают здесь под словом вера или религия. Истинная вера есть та, которая охватывает всю нашу душу и является движущим и руководящим началом всего нашего существования. Исповедание одного и того же отвлеченного верования, не определяя сознания и жизни, не может представить никакой общественной связи, не может никого действительно объединить, и, в конце концов, совершенно безразлично знать, разделяешь ты или нет эту мертвую веру с кем бы то ни было. Действительное же единство веры необходимо становится живым и действенным единством, солидарностью моральной и практической.

Если Церковь русская и Церковь греческая не проявляют своей солидарности ни в каком жизненном действии, то их "единство веры" есть не более как абстрактная формула, ничего не создающая и ни к чему не обязывающая. Один мирянин, озабоченный религиозными вопросами, спросил однажды у митрополита Филарета - (да не удивляется читатель тому что мы постоянно возвращаемся к этому имени: - это единственный действительно замечательный общественный деятель, выдвинутый русской Церковью в XIX столетии) - итак один мирянин спросил знаменитого архипастыря: "Что можно было бы сделать, чтобы оживить отношения между русской Церковью и Церковью-матерью?" "А по какому поводу могут возникнуть между ними какие-либо отношения?" - ответил автор греко-российского катехизиса. За несколько лет до этого любопытного разговора имел место один случай, дающий нам возможность по достоинству оценить слова осторожного иерарха. Выдающийся член англиканской Церкви и Оксфордского Университета, Вильям Палмер, пожелал присоединиться к православной Церкви. Он отправился в Россию и в Турцию, чтобы изучить современное положение христианского Востока и справиться об условиях, при которых он мог бы вступить в общение с православными Востока. В Петербурге и Москве ему сказали, что для этого ему достаточно отречься от заблуждений протестантизма перед священником, который совершит затем над ним таинство миропомазания. Но в Константинополе он узнал, что ему

придется вторично подвергнуться крещению. Так как он сознавал себя христианином и не усматривал никаких оснований подвергать сомнению действительность своего крещения (вполне признаваемого, впрочем, и русскою православною Церковью), то он взглянул на вторичное крещение как на кощунство. С другой стороны, он не мог решиться перейти в православие по частным уставам русской Церкви, ибо при этом он становился православным только в России, оставаясь язычником в глазах греков. Он желал вступить в общение не с национальной Церковью, а с Церковью православной и вселенской. Этого затруднения никто не мог разрешить, и он сделался римским католиком¹. Как видите, существуют вопросы, по поводу которых русская Церковь могла и должна была бы войти в сношения со своей метрополией, и если тщательно избегают касаться их, то лишь потому, что заранее уверены, что, раз эти вопросы будут со всей определенностью поставлены, произойдет формальный раскол. Ревнивая ненависть греков к русским, на которую эти последние отвечают враждебностью, смешанной с презрением, - вот главенствующий факт, определяющий действительные отношения этих двух национальных Церквей, официально пребывающих в религиозном общении. Но само это официальное единство держится на одной ниточке, и нужна вся иерархическая осторожность Петербурга и Константинополя, чтобы не дать этой столь слабой связи порваться. И уж, конечно, не из христианской любви желают поддержать эту видимость единства. Боятся рокового открытия: в день формального разрыва между русской Церковью и Церковью греческой весь мир увидит, что вселенская, католическая восточная Церковь есть лишь фикция и что на самом деле существуют лишь отдельные национальные Церкви на Востоке. Вот действительный мотив, который принуждает нашу иерархию вести себя с греками умеренно и осторожно, то есть избегать каких бы то ни было сношений с ними². Что же касается константинопольской Церкви, в своей партикуляристической гордыне, величающей себя "Великою Церковью" и "Вселенскою Церковью", то она, пожалуй, не прочь была бы отделаться от северных варваров, которые являются лишь препятствием для ее панэллинистических тенденций. В последнее время константинопольский патриархат два раза готовился предать анафеме русскую Церковь³. Только чисто материальные соображения предотвратили этот скандал: греческая Церковь в Иерусалиме, фактически находящаяся в полном подчинении у константинопольской, зависит, с другой стороны, в своих средствах существования, почти исключительно от русского благочестия. Эта материальная зависимость, в которой греческий клир находится от России, установилась с давних пор и представляет в данное время единственное реальное основание греко-русского единства. Очевидно, что такая чисто внешняя связь не может слить обе Церкви в одно моральное тело, обладающее единством жизни и действия.

Этот вывод находит себе дальнейшее подтверждение, если принять в соображение национальные Церкви менее значительные, которые, состоя под юрисдикцией константинопольского патриарха, представляли прежде части греческой Церкви и становились автокефальными по мере того, как соответствующие маленькие государства вновь приобретали свою прежнюю политическую независимость. Отношений у этих мнимых Церквей между собой, а также с византийской метрополией и русской Церковью нет почти никаких. Даже чисто официальных отношений, поддерживаемых из приличия, вроде тех, которые установились между Петербургом и Константинополем, - насколько мне известно, - между Россией и новыми автокефальными Церквями Румынии и эллинского королевства, не существует. С Болгарией и Сербией дело обстоит еще хуже. Известно, что греческие патриархи, с согласия афинского синода, отлучили в 1872 году весь болгарский народ по мотивам национальной политики.

Болгары были осуждены за их филетизм, то есть за их стремление подчинить Церковь расовым и национальным разделением. Обвинение было справедливо; но этот филетизм, бывший ересью у болгар, оказывался у греков самым настоящим православием.

Русская Церковь, хотя и симпатизируя болгарам, пожелала стать выше этого национального спора. Для этого ей нужно было бы заговорить от имени Вселенской Церкви; но так как это право столь же мало принадлежало русским, как и грекам, то Петербургский синод вместо того, чтобы высказаться определенно, предпочел начать дуться на византийскую иерархию и, получив постановления собора 1872 года с приглашением одобрить таковые, не ответил на это ни да, ни нет. Отсюда возникло положение вещей, которое не было предусмотрено церковными канонами или, лучше сказать, не считалось ими даже возможным. Русская Церковь осталась в формальном общении с греческой Церковью и в реальном общении с болгарской Церковью, не опротестовав открыто канонический акт отлучения, разделивший эти две Церкви, и не сославшись - хотя бы для проформы - на необходимость пересмотра дела вселенским собором. Подобное же усложнение имело место и с Сербией. Когда атеистическое правительство этого маленького королевства издало церковные законы, обосновавшие иерархию сербской Церкви на обязательной и принудительной симонии (ибо всякий духовный сан должен был покупаться по определенной таксе), и когда, после самовольного низложения митрополита Михаила и других епископов, создали вопреки каноническим законам новую иерархию, эта последняя, решительно отвергнутая русской Церковью, купила зато согласие на все это константинопольского патриарха. На этот раз "великая Церковь" оказалась в общении с двумя разобщенными друг с другом Церквями. Надо ли еще прибавлять, что все эти национальные Церкви суть лишь Церкви государственные, безусловно лишённые какой бы то ни было церковной свободы? Легко можно представить себе то пагубное влияние, которое такое унижение Церкви может оказывать на самую религию в этих несчастных странах. Равнодушие сербов к религии достаточно известно, так же, как и их манья пользоваться православием, как политическим орудием в братоубийственной борьбе с хорватами - католиками⁴. Что касается Болгарии, то вот свидетельство, авторитетность которого не может быть заподозрена. Преосвященный Иосиф, экзарх Болгарии, в торжественной речи, произнесенной в Константинополе по случаю поминовения святого Мефодия (1885), нарисовал печальное положение религии в своей стране. "В массах, - говорил он, - народ холоден и равнодушен. А что касается образованного класса, то он решительно враждебен всему святому, и лишь страх перед русскими мешает ему упразднить Церковь в Болгарии⁵". Нечего и говорить, что религиозное состояние Румынии и эллинского королевства не много чем отличается от того, что мы видим у сербов и болгар. В отчете, представленном русскому императору обер-прокурором Святейшего Синода и опубликованном в прошлом году, религиозное и церковное положение четырех православных стран Балканского полуострова обрисовано в самых мрачных красках. И действительно, трудно представить себе что-нибудь более жалкое. Но что поистине изумительно, так это то объяснение, которое дает этому обстоятельству официальный документ. Если верить главе нашей Церкви, то единственной и исключительной причиной всех этих бедствий является конституционный строй! Если это так, то в чем же причина плачевного состояния Церкви русской?

Примечания:

1 В заметке, помещенной в конце книги, читатель найдет некоторые исторические подробности по вопросу о вторичном крещении в греко-русской Церкви. Эти факты были, вероятно, известны Палмеру и должны были повлиять на его последнее решение: не искать вселенской истины там, где основное таинство нашей религии сделалось орудием национальной политики (Упомянутая заметка автором помещена не была. Прим. пер)

2 В этом и единственное практическое основание, почему, не взирая на солнце и звезды, мы продолжаем придерживаться юлианского календаря: изменить его нельзя без предварительных переговоров с греками, а этого пуще всего бояться в наших клерикальных сферах.

3 В 1872 году, когда Санкт-Петербургский синод отказался открыто присоединиться к решениям греческого собора, отлучившего болгар, и в 1884 году, когда русское правительство обратилось с просьбой к Порте о назначении двух болгарских епископов в епархии, которые греки считали своим безраздельным достоянием.

4 Мы можем сослаться по этому вопросу на одного писателя славянофила, долго жившего в Сербии. Смотри статью П. Кого в "Руси" Аксакова (1885, Н 12).

5 Эта речь была приведена in extenso в газете Каткова ("Московские Ведомости").

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Исполнившееся пророчество. Критика цезаропапизма.

Один из друзей Аксакова и, как он, выдающийся член партии или кружка славянофилов, Юрий Самарин¹ писал в частном письме по поводу ватиканского собора; "Папский абсолютизм не убил жизненности католического клира, - над этим следует призадуматься, ибо в один прекрасный день у нас провозгласят непогрешимость царя, или иначе сказать обер-прокурора Святейшего Синода, так как царь будет тут не при чем... Найдется ли у нас в тот день хотя бы один епископ, монах или священник, который решился бы протестовать! Сомневаюсь. Если кто и заявит протест, то это будет мирянин, ваш покорнейший слуга и Иван Сергеевич (Аксаков), если только мы будем тогда в живых. Что же касается до нашего несчастного духовенства, которое вы находите более несчастным, чем виноватым (и в этом вы, быть может, правы), то оно будет молчать".

Я счастлив, что могу привести эти слова, ибо немного знаю пророчеств такого рода, которые сбылись бы с большей точностью. Провозглашение цезаропапистского абсолютизма в России, глубокое молчание и полная покорность духовенства, наконец, единичный протест мирянина - все сбылось именно так, как предвидел Самарин.

В 1885 году, официальный документ, исходивший от русского правительства², объявил, что Восточная Церковь отреклась от своей власти и передала ее в руки царя. Это заявление было замечено только немногими. Самарин уже много лет как умер. Аксакову оставалось жить только несколько месяцев; тем не менее он напечатал в своем журнале ("Русь") протест писателя мирянина, не принадлежавшего, впрочем, к группе славянофилов. Этот единичный протест последовал без благословения кого-либо из представителей Церкви, не удостоился поддержки с их стороны и своим одиночеством еще более подчеркнул плачевное положение религии в России³. Впрочем, цезаропапистский манифест петербургских бюрократов был лишь формальным признанием уже совершившегося факта. Нельзя отрицать, что Восточная Церковь действительно отреклась от своей власти в пользу власти светской; спрашивается только, имела ли она право это сделать и может ли она после этого считаться представительницей Того, кому дана всякая власть на небе и на земле. Сколько ни терзайте евангельские тексты, относящиеся к тем вечным правам, которые Иисус Христос завещал своей Церкви, в них все равно не найдете права передачи этих полномочий в руки светской власти. Власть, заявляющая притязание заместить Церковь в земном ее призвании, должна была бы по крайней мере, получить одинаковые с ней обетования прочности.

Мы не думаем, чтобы наши иерархи отказались добровольно и по зрелом размышлении от своих церковных прав. Но если Восточная Церковь потеряла, в силу известных событий, то, что

принадлежало ей в силу божественного права, то очевидно, что врата адавы одолели ее и что, следовательно, она не есть незыблемая Церковь, основанная Христом.

Мы не желаем также делать светское правительство ответственным за ненормальное положение Церкви в Государстве. Это последнее было право, когда отстаивало свою независимость и свое главенство против духовной власти, представлявшей лишь частную и национальную Церковь, разобщенную с великой христианской общиной. Когда утверждают, что Государство должно подчиниться Церкви, то при этом всегда имеют в виду Церковь, установленную Богом, единую, нераздельную и вселенскую.

Управление какой-либо отдельной национальной Церкви есть лишь историческое и чисто человеческое учреждение. Тогда как глава Государства есть законный представитель нации, как таковой, и духовенство которое хочет быть национальным и только национальным, должно волей-неволей признавать безусловное верховенство светского правительства. Сфера национального бытия может в самой себе иметь лишь один и единственный центр, главу Государства. Епископат какой-либо отдельной частной Церкви может, по отношению к Государству, притязать на верховенство апостольской власти лишь в том случае, если он действительно связывает нацию с вселенским или международным Царством Христа. Национальная Церковь, если она не хочет покориться абсолютизму Государства, то есть перестать быть Церковью и сделаться департаментом гражданской администрации, необходимо должна иметь реальную опору вне Государства и нации; связанная с этой последней природными и историческими узами, она должна в то же время в своем качестве Церкви входить в состав более широкого социального круга, с независимым центром и вселенской организацией, при чем местная Церковь может быть лишь частным органом этой последней.

Лица, стоявшие во главе русской Церкви, не могли, в борьбе с всепоглощающим абсолютизмом Государства, опираться на свою религиозную метрополию, которая сама была не более как национальной Церковью, с давних пор поработанной светской власти. Не религиозную свободу, а цезаропапизм унаследовали мы от Византии, где это антихристианское начало беспрепятственно развивалось с I века. Греческая иерархия, сама оттолкнув мощную опору, которую она дотеле находила в независимом центре Вселенской Церкви, оказалась лицом к лицу с произволом Государства и его самодержца. До разделения, каждый раз, как греческие императоры вторгались в область духовную и угрожали свободе Церкви, представители этой последней, - будь то святой Иоанн Златоуст, или святой Флавиан, или святой Максим Исповедник, или святой Феодор Студит, или святой патриарх Игнатий, - обращались к международному центру христианства, прибегали к посредничеству Державного Первосвященителя, и, если сами терпели поражение и становились жертвами грубой силы, то, по крайней мере, их дело, дело истины, справедливости и свободы всегда находило в Риме непоколебимую опору, обеспечивавшую за ним конечное торжество. Греческая Церковь в те времена была и сознавала себя живой частью Церкви Вселенской, - частью, тесно связанной с великим общим центром единства - апостольским престолом Петра. Эти отношения спасительной зависимости от преемника первоверховных апостолов, от первосвященника Божия, эти чисто духовные, законные и исполненные достоинства отношения были заменены мирским, незаконным и унижительным поработанием простым мирянам и неверным.

Тут дело не в исторической случайности, но в логике вещей, неизбежно отъемлющей у всякой чисто национальной Церкви ее независимость и достоинство и налагающей на нее более или менее тяжелое, но всегда позорное иго светской власти.

Во всякой стране, где Церковь сведена к национальному учреждению, светское правительство (будь то самодержавное или конституционное) пользуется безусловной полнотой всяческой власти; а церковная организация является лишь специальным министерством, зависящим от общегосударственной администрации. Национальное Государство здесь - реальное и законченное тело, живущее собой и для себя, а Церковь есть только часть или, лучше сказать, одна сторона этого общественного организма, этого политического целого и существует для себя только в абстракции.

Это рабство Церкви несовместимо с ее духовным достоинством, с ее божественным происхождением, с ее вселенским призванием. С другой стороны, рассуждение доказывает, а история подтверждает, что долговременное сосуществование двух правительств, равно независимых и державных, в пределах одной и той же земельной области, в границах одного национального Государства, безусловно невозможно. Такая диархия неизбежно приводит к антагонизму, который не может не закончиться полным торжеством светской власти, ибо она и только она действительно представляет нацию, тогда как Церковь, по самой своей природе, не есть учреждение национальное и может стать таковым, лишь потеряв действительный смысл своего существования.

Церковь должна вообще иметь власть независимую и стоящую выше власти Государства. При самых благих намерениях светский монарх не может быть действительным сыном Церкви, которой он в то же время глава и которой он правит при посредстве своих чиновников.

Церковь в России, лишенная всякой точки опоры, всякого центра единства вне национального Государства, по необходимости кончила тем, что была порабощена светской власти; а эта последняя, не видя на земле ничего выше себя, не имея возможности получить от кого бы то ни было религиозной санкции, частичной делегации власти Христа, с не меньшей необходимостью пришла к антихристианскому абсолютизму.

Если национальное Государство утверждает себя как законченное и самодовлеющее социальное тело, оно не может уже более быть живым членом вселенского тела Христова. А если оно вне этого тела, оно уже не христианское Государство и есть лишь новый вид древнего цезаризма, упраздненного христианством.

Бог вочеловечился в лице еврейского Мессии в тот самый момент, когда человек стал богом в лице римского Кесаря. Иисус Христос не нападал на Кесаря и не оспаривал его власти; но он возвестил истину о нем. Он сказал, что Кесарь не Бог и что власть Кесаря вне Царства Божия. Воздавать Кесарю той монетой, которую он чеканит, а остальное Богу, - это есть то, что теперь называют отделением Церкви от Государства, отделением необходимым, пока Кесарь язычник, и невозможным, как только он стал христианином. Христианин, будь он даже король или император, не может оставаться вне Царства Божия и противопоставлять свою власть власти Бога. Верховная заповедь "Отдайте Божие Богу" безусловно обязательна для Кесаря, если он хочет быть христианином. Он тоже должен отдавать Божие Богу, то есть, прежде всего, верховную и безусловную власть на земле; ибо, чтобы действительно понять слово о Кесаре, обращенное

Господом к врагам Его, когда Он шел на страдание, надо дополнить его другим, более торжественным словом, сказанным Им по воскресении ученикам своим, представителям Его Церкви:

"Дана мне всякая власть на небе и на земле" (Матфей, XXVIII, 18). Вот текст формальный и решающий, и он не может быть добросовестно истолкован двояко. Те, кто истинно веруют слову Христа, никогда не согласятся допустить возможность Государства, отделенного от Царства Божия, мирской власти, безусловно независимой и державной. Есть только одна власть на земле, и эта власть принадлежит не Кесарю, а Иисусу Христу. Если слово, сказанное о динарии, лишило Кесаря его божественности, то это новое слово лишает его самодержавия. Если он хочет царствовать на земле, то он не может царить собственной властью, а должен стать представителем Того, кому дана всякая власть на земле. Но как может перейти к нему подобное полномочие?

Открыв человечеству Царство Божие, которое не от мира сего, Иисус Христос дал и все необходимые средства для реализации этого Царства в мире. Возвестив в своей первосвященнической молитве совершенное единство всех, как цель своего дела, Господь пожелал дать этому делу реальную и органическую основу, учредив свою видимую Церковь и дав ей, для ограждения ее единства, единого главу в лице святого Петра. Если можно найти в евангелиях указание на передачу полномочий, то только это. Никакая мирская власть не получила от Христа какой-либо санкции или какого-либо обетования. Иисус Христос основал только Церковь, и основал Он ее на монархической власти Петра: "Ты Петр, и на этом камне Я создам Церковь Мою".

Таким образом, христианское Государство должно стоять в зависимости от Церкви, основанной Христом, а сама Церковь зависит от главы, Христом ей данной. В конечном счете христианский Кесарь лишь через Петра имеет участие в царской власти Христа. Он вообще не может иметь никакой власти помимо того, кто облечен полнотой всякой власти, и не может царствовать помимо того, кому вручены ключи Царства. Чтобы быть христианским, Государство должно быть подчинено Церкви Христа; но, чтобы это подчинение не было фиктивным, Церковь Должна быть независимой от Государства, она должна иметь центр единства вне Государства и над ним, °на должна быть воистину Вселенской Церковью.

В последнее время в России начинают понимать, что чисто национальная Церковь, предоставленная своим собственным силам, неизбежно становится пассивным и бесполезным орудием Государства, и что церковная независимость может быть обеспечена только международным центром духовной власти. Но и допуская необходимость такого центра, все же желают создать таковой, не выходя за пределы восточного христианства. Это грядущее создание чего-то в роде восточного папы есть последнее антикафолическое притязание, которое нам остается рассмотреть.

Примечания:

1 Ревностный ученик Хомякова, он не обладал его блестящими качествами, но превосходил его ученостью и критическим талантом. Юрий Федорович Самарин (умер в 1876 году) оказал большие услуги России, приняв весьма деятельное участие в освобождении крестьян в 1861 году Помимо этого его культурный ум и замечательный талант остались (как это часто бывает в России) бесплодными. Он не дал значительных работ и, как писатель, известен, главным образом, своей пристрастной полемикой с иезуитами и немцами балтийских провинций. Письмо, которое мы приводим, обращено было к одной русской даме (А. О. Смирновой) и помечено 10-22 декабря 1871 года.

2 Правила о государственных экзаменах по юридическому факультету.

3 Примечание для русских читателей. Я не поставил своего имени под статьей, о которой идет речь ("Государственная философия в программе Министерства Народного Просвещения", "Русь", сентябрь 1885), так как полагал, что являюсь выразителем чувств всего русского общества. Это было иллюзией, и теперь я могу предъявить мое исключительное право на этот vox clamantis in deserto. Не надо, впрочем, забывать, что, кроме так называемого общества, в России есть от двенадцати до пятнадцати миллионов староверов, которые не ждали 1885 года, чтобы протестовать против московского и петербургского цезаропапизма.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Проект чего-то вроде папства в Константинополе или в Иерусалиме

Предвзятое желание во что бы то ни стало, а поместить центр Вселенской Церкви на Востоке уже само указывает на национальное самомнение и расовую ненависть, способные скорее вызвать разделение, чем христианское единство. Не лучше ли было бы, ничего не предпринимая, поискать вселенского центра там, где он есть? А если его нет нигде, то желание изобрести его было бы ребячеством!

Раз необходимость такого центра для нормального существования Церкви признана, следует признать также и то, что Божественный Глава и Основатель Церкви предвидел эту необходимость и не оставил на произвол людей и случайность событий необходимое условие своего дела. Если, уступая очевидности, признают, что Церковь не может быть свободной и деятельной без некоторого международного центра ее единства, то нельзя не признать также, что христианский Восток, лишенный уже тысячу лет этого существенного органа, не может один составлять всей Вселенской Церкви. Последняя должна была за такой длинный период времени проявить где-либо в ином месте свое единство. Что мысль найти на Востоке центральное управление для Вселенской Церкви или поставить восточного антипапу - что эта межеумочная мысль не представляет ничего серьезного и практического, это достаточно видно из неспособности ее приверженцев прийти к соглашению, даже в смысле теоретического проекта или *prim desiderium*, по следующему вопросу: кому из церковных иерархов Востока могла бы быть вручена эта загадочная миссия? Одни выставляют кандидатом константинопольского "вселенского патриарха"; другие же предпочитают иерусалимский престол, "мать всех Церквей". Если мы намерены здесь в немногих словах произнести суд над этими грустными утопиями, то, конечно, не в виду какого-либо присущего им значения, ибо таковое сводится к нулю, а исключительно из уважения к некоторым почтенным писателям, которые с отчаяния пытались противопоставить эти фикции истинной идее соединения Церквей.

Если центр единства не существует по божественному праву, то современной Церкви (которую продолжают считать вполне законченным телом) приходится, после восемнадцати веков жизни, самой создавать себе условия своего существования. Это похоже на то, как если бы на вполне сложившееся, но лишенное мозга человеческое тело, была возложена задача создать себе этот центральный орган. Но так как нелепость подобной теории вообще не кидается в глаза нашим противникам, то нам придется разобраться в подробностях их проектов.

Присваивая одному из своих пастырей первенство юрисдикции, Церковь может руководиться в своем выборе или фактами религиозной истории, освященными церковной традицией, или соображениями чисто политического характера. Чтобы придать своим национальным притязаниям видимость религиозной санкции, византийские греки утверждали, что их Церковь

была основана святым апостолом Андреем, которого они называли Первозванным. Легендарная связь Константинополя с этим апостолом не могла бы, даже если бы она была достовернее¹ дать этому императорскому городу никакого церковного преимущества, так как ни священное Писание, ни предания Церкви не приписывают святому Андрею никакого первенства в соборе апостолов. Этот апостол не мог поэтому передать своей Церкви преимущества, которого он сам не имел. И в 451 году, на вселенском соборе в Халкидоне, греческие епископы, желая присвоить константинопольскому престолу первенство на Востоке и второе место во Вселенской Церкви после епископа "Древнего Рима", не решились сослаться на святого Андрея, но оперлись в защиту своих планов единственно на политическое значение императорского города (<...). Этот аргумент в сущности единственный, имеющийся в пользу византийских притязаний, не может служить им оправданием ни в прошлом, ни в будущем². Если бы церковное первенство зависело от (<...), то Древний Рим, не имевший уже этого преимущества, должен был бы утратить и первое место в Церкви, которое, однако, никто не решился у него оспаривать. Мало того, греческие епископы именно к папе и обратились со смиренной просьбой, чтобы он соблаговолил утвердить относительное и частичное первенство византийского патриархата. Что касается занимающего нас вопроса, то, если первенство должно принадлежать тому из патриархов, престол которого находится в резиденции православного императора, как же быть теперь, когда в Константинополе нет православного императора, а в Петербурге патриарха? Но допустим, что это затруднение устранено и Константинополь стал снова столицей православного мира, резиденцией восточного императора, русского, грека или греко-русского, - для Церкви это было бы лишь возвращением к цезаропапизму Византии. И действительно, мы знаем, что мнимое первенство императорского патриарха было гробом церковной свободы и церковного авторитета на Востоке. Те, кто во избежание петербургского цезаропапизма хотели бы перенести его в Константинополь, очевидно, собираются броситься в реку, чтобы спастись от дождя.

Иерусалим, священный центр национальной теократии Ветхого Завета, не имеет никаких прав на главенство во Вселенской Церкви Христа. Предание называет святого Иакова первым епископом Иерусалима. Но святой Иаков, так же, как и святой Андрей, не обладал никаким первенством в апостольской Церкви и не мог сообщить своему престолу никакого исключительного права. Впрочем, долгое время он не имел преемников. Когда подступили легионы Веспасиана, христиане покинули обреченный на гибель город, утративший в следующем веке даже свое имя. Возрождение его при Константине застало престол святого Иакова в иерархическом подчинении митрополиту - архиепископу Кесарии в Палестине (так же как епископ Византии до 381 года был подчинен митрополиту Гераклеи во Фракии). Даже впоследствии Иерусалим был долгое время лишь чисто почетным патриархатом и, получив, наконец, самостоятельную юрисдикцию, занял лишь последнее место в порядке патриарших престолов.

В наши дни "мать всех Церквей" сведена к незначительной партии, состоящей на службе у фанариотского филетизма и преследующей исключительно национальную политику. Чтобы сделать из Иерусалима иерархический центр Вселенской Церкви, необходимо было бы вытеснить панэллинистическое братство и создать ex nihilo новый порядок вещей. Но если бы подобное создание даже и было вообще возможно, то очевидно, что оно могло бы быть осуществлено лишь Россией и ценой окончательного разрыва с греками. Но к чему свелась бы тогда та Вселенская Церковь, для которой Россия должна сковать заново центральную и независимую власть? Не стало бы даже более греко-российской Церкви; и новый иерусалимский патриарх оказался бы в сущности патриархом всероссийским. Не болгары же или сербы, в самом деле, станут

поддерживать церковную независимость, и мы снова окажемся лицом к лицу с национальной Церковью, иерархический вождь которой может быть только подданным и слугою Государства.

Явная невозможность найти или создать на Востоке центр единства для Вселенской Церкви обязывает нас искать его в другом месте. Прежде всего мы должны осознать себя тем, что мы есть на самом деле, а именно - органической частью великого христианского тела, и признать нашу тесную солидарность с братьями на Западе, обладающими центральным органом, недостающим нам. Этот моральный акт, акт справедливости и любви, был бы уже сам по себе огромным шагом вперед для нас и необходимым условием всякого дальнейшего прогресса.

Примечания:

1 Честь освящения мученической смертью святого Андрея принадлежит городу Патрасу, где первое время и почивали его мощи.

2 Мы еще вернемся к этому первому крупному проявлению византийского цезаропапизма, ничего не имеющему общего во всяком случае с непогрешимым авторитетом догматических определений этого собора.